

В шестидесятые годы, когда мы вечерами приходили к памятнику Маяковского читать и слушать стихи, брали «приступом» Политехнический, с трепетом открывали каждый номер «Юности», Александр Збруев уже играл в кино своих современников — ироничных, интеллигентных молодых людей. Герой недавнего фильма «Ты у меня одна», которого играет Збруев, — это тот же молодой человек, только «повзрослевший» на три десятилетия и оказавшийся совершенно беспомощным в нынешней ситуации: в совместное предприятие не берут, зарабатывать деньги не умеет, дома неурядицы... С этого и начался наш разговор.

— Ваша судьба не в пример вашему герою видится благополучной: вы по-прежнему много работаете, пользуетесь популярностью у зрителя, критика к вам благосклонна...

— Да нет, хвастать нечем. Той роли, которую я хотел бы сыграть в театре, — не сыграл, в кино же было много работ, дублирующих друг друга. Режиссеры часто нелюбопытны и боятся неожиданностей... Был период, когда я отказывался от неинтересных предложений, а потом понял, что меня забывают, и снова стал сниматься, даже если считал низким драматургический уровень сценариев и режиссуры. Кстати, скажите, где вы видели фильм «Ты у меня одна»?

— В киноцентре.

— Представляете, что испытывает актер, когда он долго готовит роль, а потом показывает ее на кухне только родственникам и знакомым? А ведь в кино сегодня все происходит именно так. С кинематографом просто беда. Ни одного кинотеатра, где демонстрировались бы отечественные фильмы! Вопреки обстоятельствам картины снимаются, но процесс их создания превращается порой в некий аттракцион. Режиссеру надо быстро где-то хапнуть денег, быстро договориться с актерами, быстро снять, «пробить» прокат или, если повезет, продать фильм за рубеж...

У нас сегодня не может успешно пройти ни один, даже очень хороший, фильм. Не может потому, что «средний» человек отучился смотреть кино — так же как слушать классическую музыку... Все спешат, в кино ищут сюжет, события, никто не хочет даже попытаться проникнуться атмосферой фильма. Ведь не в прошлом же тысячелетии кинопремьера проходила одновременно в пятидесяти кинотеатрах Москвы и залы были полны. Сегодня приобрести даже неплохой зарубежный фильм стоит дешевле, чем поставить свой, отечественный. А сколько актеров просто исчезли, были они — не были?

— Но я все время слышу, что наконец-то наше кино выходит на международную арену, фильмы завоевывают при-

нимаемся одним делом, не закрываемся друг от друга. Но играю я в театре мало...

— Часто вспоминаете Эфроса?

— Не то слово. Это воспоминания на всю жизнь. Он был умен каким-то особым режиссерским умом и очень уверен в себе — качество для режиссера незаменимое. Я помню, на

случае, в нашей стране.

— Вы конфликтный человек?

— Нет, если вы имеете в виду отношения с окружающими. Что касается творческих разногласий, то в итоге все решает режиссер, его идеи, его талант, его заразительность. И потом театр — это во многом случай, совпадение. Кто знает, не посмотри Товстоногов фильма

Александр ЗБРУЕВ:

ЕСЛИ УХОДИШЬ ОТ ПОЛИТИКИ, ОНА САМА К ТЕБЕ ПРИХОДИТ

Труд - 1994 - 6 окт. - с. 6

зы, актеров узнают за границей.

— Это сильное преувеличение. И раньше призы на фестивалях завоевывали, а наших актеров как не знали за рубежом, так и не знают. Но прежде нас знали хотя бы в своей стране! Актеру как воздух нужно признание публики, успех — тогда он просто расцветает. Да где сейчас наш актер может прославиться? Фильмы снимаются, но ничего более интересного, чем раньше, не создается. Вспомните картины Калатозова, Ромма, Хуциева. Кажется, Алексей Герман заметил, что для подъема российского киноискусства нужно новое поколение «небитой» режиссуры. Всегда казалось — уберете цензуру, и у нас будет прекрасное кино. Ну убрали ее — и что? В кино вроде бы и пришли «небитые» режиссеры, а отечественного кинематографа нет: нет денег, нет творческого стимула, и государство от кино отказалось.

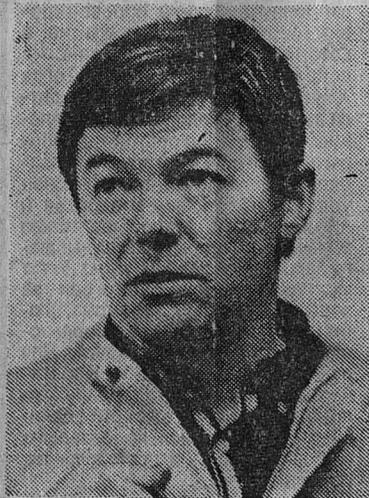
— Вы актер театральный, а театр в нынешнее время более стабилен: и премьеры выходят, и публика на спектаклях есть...

— Да, но на зарплату, работая в театре, как и раньше, не проживешь. Хотя наш Ленком, по сравнению с другими театрами в этом смысле благополучен. Но Ленком для всех нас больше, чем театр, — это дом, мы все здесь родственники. за-

репетиции актеры часто ему возражали, предлагали свои решения, и он как-то тихо, но убедительно давал понять, что все это не так. Он показывал и был до такой степени заразителен, что даже возникало желание подражать ему, быть на него похожим — в интонациях, движениях. Иногда хотелось сказать: «Почему вы сами не сыграете?» Тяжело вспоминать, как он уходил из Ленкома на Бронную, в чужой театр.

— Вас он с собой не позвал?

— Ему предложили взять с собой девять «единиц». Мы — все актеры Ленкома — собрались у него дома и решали, кто пойдет с ним. Я в то время много снимался и сам сказал, что подожду. Спустя некоторое время он предложил мне перейти на Бронную, и я пошел, но проработал там всего лишь месяц. Начал репетировать «Счастливые дни несчастливца человека», но что-то не клеилось. Тогда ведь многие ушли с Бронной, не от Эфроса, а от какой-то тягостной, неестественной атмосферы. Он был там очередным режиссером, и все сильно походило на снятие квартиры в аренду — живи, пожалуйста, но это не трагедия, то не передвигай. Ни к чему хорошему такая ситуация привести не могла. Талант — это ведь отклонение от нормы, неудобство для окружающих, во всяком

«Солдаты», как сложилась бы судьба провинциала Смоктуновского, которого не брали московские театры. Бывают умные, но сонные режиссеры, работая с которыми тебе тоже хочется вздремнуть. Но мне повезло: я встретил Анатолия Эфроса, Марка Захарова...

— Вы играете в классике: Борнина в «Иванове», Городулина в «Мудреце», Клавдия в «Гамлете», и в этих работах, как мне кажется, остаетесь самим собой — с вашим темпераментом, вашими жестами, пластикой...

— Я действительно всегда иду от себя. Пытаюсь поставить себя на место персонажа, найти с ним точки соприкосновения, даже если этот герой не блещет положительными качествами. Но ведь в нас тоже очень много всего намешано — и дурного, и хорошего. Поведение часто диктуется обстоятельствами. И как мы поступим в экстремальной ситуации, известно только на небесах. Мне очень жаль, что мало было в моей актерской жизни классики, хотя ставить ее сегодня очень трудно. Как совместить, например, сегодняшнюю нервозность с размеренными ритмами, скажем, Островского, так, чтобы это не было грубым, навязчивым? Очень люблю чеховскую «Чайку», больше чувствую, чем понимаю ее. И всегда мечтал сыграть в ней, войти в атмосфе-

ру этой загадочной пьесы, но, видимо, не судьба. Когда-то давно Эфрос ставил в Ленком «Чайку», и мы с Левой Круглым репетировали Треплева, а сыграл его Смирнитский.

— Что дает актеру опыт? — Есть понятие профессионализма, который не заметить на сцене ни энтузиазмом, ни молодостью, ни зажигательными ритмами. Вспомните, как играл Вожака в «Оптимистической» Евгений Павлович Леонов. И есть, конечно, опыт жизни, который так или иначе сказывается в работе.

Мы все сейчас кричим, что надоела политика. Но куда от этого деться? Кто-то правильно сказал, что, если уходишь от политики, она сама к тебе приходит.

Недавно я был на кинофестивале в Риге «Балтийская жемчужина». Мы, россияне, приехали со своими картинами и желанием общаться, а латвийцы на фестиваль не приехали. Была великая кинодержава, мы снимались у них, они — у наших кинорежиссеров... И она по-прежнему существует, все давно уже у всех снимаются: французы — у американцев, немцы — у французов. А у нас везде — переговоры, таможи...

— Да, все это вещи, в общем, несельские. Но в заключение нашей беседы я хочу задать вам очень важный для меня вопрос. Понимаю, что история не терпит сослагательного наклонения, но все же: если бы вернуть прошлое, когда был монолитный Союз и все было спокойно, когда на фестивали приезжали и литовцы, и латвийцы, и таджики, когда была стабильная зарплата, а на пенсию можно было все-таки жить... вы бы согласились вернуть то время?

— Не знаю. При всей тягостности нынешней ситуации, положительное я вижу в том, что мы начинаем постепенно понимать: для того, чтобы жить, нужно много работать. Вы говорите — вернуть то время. Но ведь наша история начинается даже не с семнадцатого года — нити тянутся из далекого прошлого. Трудно сейчас сказать, что было хорошо, что плохо. Было ли татаро-монгольское иго злом, хороши или плохи декабристы, народовольцы с их честными намерениями? Что же касается советских десятилетий: да, можно было бы вернуть, если бы не было тридцать седьмого, когда мой отец был репрессирован, а мы с мамой сосланы в Рыбинск, если бы не было Афганистана, психушек, высылки Солженицына, суда над Бродским, если бы, если бы...

Беседу вела
Ирина ПОЛИЧИНЕЦКАЯ.